— Ваше Высочество, это список и портреты, которые Ее Величество вдовствующая императрица отобрала с величайшим тщанием. Благоволите ознакомиться.

Тетушка Юэинь почтительно протянула Государственному супругу свиток с именами знатных девиц.

Каждый год во время Праздника любования снегом императрица и вдовствующая императрица совместно выбирали достойных девиц для гарема, а затем государь лично жаловал им титулы и ранги по своему усмотрению. Поскольку сейчас законной императрицы во дворце не было, эти обязанности легли на плечи Государственного супруга.

Когда этот увесистый фолиант доставили во Дворец Вэйян, госпожа Юнь, Мужун Шу, гостившая у сына, не смогла скрыть изумления. Она точно помнила: император во всеуслышание объявил, что нынешний Праздник любования снегом устраивают вовсе не ради пополнения гарема.

Ладно вдовствующая императрица — та вечно плела интриги за спиной сына. Но почему сам Цзыцзи с таким сосредоточенным видом принялся изучать присланные бумаги?

Юнь Цзыцзи медленно перелистывал полный реестр, подготовленный Министерством обрядов. Толстая книга содержала сведения о шестидесяти пяти благородных девицах: их происхождение, таланты, возраст, а также подробные портреты, удивительно точно передававшие черты лица каждой.

Заметив, что Государственный супруг изучает общий список, упорно игнорируя краткую записку вдовствующей императрицы, Юэинь осмелилась напомнить:

— Государственный супруг Юнь, Ее Величество вдовствующая императрица особо отметила десять девиц. Взгляните на них. Если вы не против, рабыня отнесет их портреты повелителю.

Теперь она не смела выказывать и тени непочтения к Юнь Цзыцзи и во время разговора держала голову смиренно опущенной.

Юнь Цзыцзи бросил беглый взгляд на предложенный листок и, даже не поднимая глаз, холодно бросил:

— Всех десятерых, кого выбрала вдовствующая императрица, одарить ста ланами золота и отправить восвояси.

Пожалование золота означало безоговорочный отказ.

Юэинь обомлела. Отсеять двоих или троих из списка было бы делом привычным. Но прогнать всех десятерых разом? Это же открытая пощечина Дворцу Вечного Спокойствия!

— Государственный супруг, умоляю вас, подумайте еще раз! — взмолилась Юэинь. — Выбор наложниц касается продолжения императорского рода, здесь нельзя проявлять такое легкомыслие.

— Легкомыслие? — Юнь Цзыцзи наконец удостоил ее тяжелым, пронизывающим взглядом. — Раз уж вдовствующая императрица соизволила поинтересоваться моим мнением, ей придется считаться с моими вкусами. А мой вкус таков: мне не нравится ни одна из них. Все свободны. Можешь отправляться во Дворец Вечного Спокойствия и передать мои слова.

Мать знала своего сына как никто другой. Мужун Шу сразу поняла: Цзыцзи сегодня не в духе и буквально ищет повод для ссоры.

Юэинь и представить не могла, что всего за два месяца пребывания во дворце этот юноша станет настолько дерзким и высокомерным! Но перечить открыто она не смела. Весь дворец помнил страсть Государственного супруга к взрывоопасным пороховым затеям. Ляпнешь что-то не то — и вылетишь из Дворца Вэйян прямиком на небеса.

— Раз так… рабыня вернется во Дворец Вечного Спокойствия и попросит Ее Величество подобрать другие кандидатуры.

— Не утруждайте вдовствующую императрицу, — с ледяной усмешкой отозвался Юнь Цзыцзи. — Кого бы она ни выбрала, мне все равно не угодить.

"С каких это пор мой сын стал вести себя столь дерзко?!"

— Что вы себе позволяете, Государственный супруг?! — задохнулась от возмущения Юэинь. — Как бы то ни было, вы обязаны почитать вдовствующую императрицу!

— У меня сегодня дурное расположение духа. Так что обойдемся без почтения.

— Ах!.. — Юэинь затряслась от гнева, не находя слов. — Рабыня передаст Ее Величеству каждое ваше слово! До единого!

Юнь Цзыцзи лишь дерзко улыбнулся:

— Что ж, не смею задерживать. Желаю удачи с доносом, тетушка Юэинь.

Разгневанная до крайности служанка поспешила вон, но у самого порога споткнулась о каменную ступень и едва не растянулась на полу. Ее поспешное бегство вышло на редкость жалким и нелепым.

Как только за Юэинь закрылись двери, Мужун Шу тут же протянула руку и приложила ладонь

ко лбу сына. Лоб был прохладным. Никакого жара. Что же за затмение на него нашло?

— Цзыцзи, что с тобой творится? Сходил полюбоваться снегом, а вернулся, будто пороху наглотался. Пусть император души в тебе не чает, но так открыто дерзить вдовствующей императрице — это верх безрассудства!

Юнь Цзыцзи мягко отвел руку матери и устало потер виски:

— Матушка, на душе у меня прескверно.

Мужун Шу скользнула взглядом по разложенным бумагам и догадалась:

— Всё из-за этого отбора наложниц? Но ведь государь ясно дал понять, что сегодняшний праздник устроен исключительно ради твоего удовольствия.

Чжань Цянь хотел показать всему двору, что настоящая власть теперь сосредоточена здесь, во Дворце Вэйян, а не во Дворце Вечного Спокойствия. Этот праздник был жестом безоговорочного доверия.

— Нет, отбор состоится, — Юнь Цзыцзи через силу расправил плечи и взял в руки кисть с алой тушью.

Он принялся внимательно сверять списки. Стоило какому-то имени из реестра совпасть с кандидатурами вдовствующей императрицы, как он без колебаний вычеркивал его размашистым алым штрихом. Какими бы знатными или красивыми ни были эти девицы, если за ними стояла семья Янь, путь во дворец им был заказан.

Янь Южоу была лишь первой пешкой. Любая из этих десяти девиц могла легко занять ее место и превратиться в очередную марионетку в руках вдовствующей императрицы.

Цзыцзи прекрасно понимал, что Чжань Цянь пытается вырваться из-под гнета клана Янь, а потому решил задушить эту угрозу в зародыше. Пусть его назовут ревнивцем и деспотом — он готов принять этот позор на себя, лишь бы защитить императора.

Очистив реестр от ставленниц вдовствующей императрицы, он со всем тщанием отобрал шестнадцать девушек из благородных семей, чьи отцы держались нейтралитета в придворной борьбе, и протянул список матери.

Мужун Шу пробежала глазами имена — каждая из них была первой красавицей из почтенного рода.

Будучи хозяйкой богатого поместья Юнь, Мужун Шу в свое время сама подбирала наложниц

для мужа. Разумеется, не обходилось без тайного умысла: она выбирала либо писаных красавиц без роду и племени, либо знатных, но невзрачных девиц. Допускать к супругу совершенство, способное пошатнуть ее собственное положение, она бы никогда не стала.

Мужун Шу не была святой и судила по земным меркам. И ее поразило, насколько ее собственный сын оказался лишен подобной эгоистичной расчетливости.

— Цзыцзи, опомнись. Если хоть одна из этих девиц приглянется императору, твоей власти придет конец. Ты ведь понимаешь это?

— Если я выбираю для него женщин, то они должны быть лучшими из лучших, — упрямо ответил он.

— Глупый ребенок… Как можно совсем не думать о себе?

Юнь Цзыцзи горько вздохнул:

— Матушка, государь предпочитает женщин. К чему мне строить иллюзии и строить планы?

Минутное увлечение можно разыграть как по нотам, но как притворяться всю жизнь? Рано или поздно Чжань Цяню наскучит эта игра, и тогда Государственный супруг окажется забыт и заброшен. К чему тогда эти жалкие интриги?

Мужун Шу жестом велела слугам удалиться и, придвинувшись ближе, прошептала:

— Но ведь Его Величество каждую ночь проводит здесь, во Дворце Вэйян?

— Мы делим одно ложе, но он ни разу не прикоснулся ко мне.

Цзыцзи умолчал о своем главном подозрении: ему казалось, что глубокой ночью, когда он засыпает, император покидает покои. У него не было прямых доказательств, поэтому тревожить мать понапрасну он не хотел.

Мужун Шу на мгновение задумалась, вспоминая их детские годы. В ее душе боролись противоречивые чувства.

Если император безразличен к ее сыну, то зачем затевать этот фарс? И ладно бы притворялся, но делать это настолько искренне… Во время недавнего визита в родительский дом взгляд Чжань Цяня лучился такой нежностью и обожанием, что сыграть подобное было попросту невозможно.

Цзыцзи уже стал частью императорской семьи, пути назад не было. Больше всего на свете материнское сердце боялось, что сын изведет себя напрасными подозрениями и недомолвками.

— Прежний император пожаловал тебе этот титул, желая лишь унизить и запереть в золотой клетке. Но Чжань Цянь окружил тебя таким почетом и заботой, о которых другие могут только мечтать. Неужели ты думаешь, что равнодушный человек стал бы так усердствовать? Даже в самой искусной игре нужна искра искренности, иначе обман быстро раскрылся бы.

Капля алой туши сорвалась с кончика кисти и расплылась ярким пятном на белой бумаге. Юнь Цзыцзи отложил кисть, чувствуя, как тяжесть, сковывавшая грудь, начинает таять:

— Вы правы, матушка. Он и впрямь невероятно добр ко мне. Мне не следовало верить злым языкам и сомневаться в его чувствах.

— Ваше Высочество, — раздался от дверей голос слуги Шаньу. — Прибыл придворный лекарь Шэнь.

Мужун Шу мгновенно преобразилась, вновь приняв величественный и благообразный вид, подобающий супруге почтенного гуна.

Юнь Цзыцзи закрыл реестр и велел впустить лекаря.

Пока Шэнь Гоу прощупывал пульс, юноша не выдержал и тихо спросил:

— А где Его Величество?

— С рубежей доставили срочные донесения, — ответил лекарь. — Император сейчас во Дворце Цзычэнь, занят государственными делами.

Цзыцзи облегченно вздохнул. Слава богам, хотя бы не развлекается в окружении праздных красавиц на заснеженных аллеях.

Мужун Шу деликатно кашлянула в кулак, напутствуя сына многозначительным взглядом:

— Заботы о государстве отнимают много сил. Нашему повелителю не помешает немного тепла и заботы.

Когда осмотр завершился, Юнь Цзыцзи обратился к лекарю:

— Приготовь от моего имени укрепляющий отвар из женьшеня и лонгана. Отнеси его во Дворец Цзычэнь.

Вскоре горячая пиала с целебным отваром была доставлена лично Шэнь Гоу прямо к императорскому столу.

Чжань Цянь, увидев нежданного гостя с подносом, шутливо отпрянул:

— Ты решил избавить Поднебесную от тирана и подсыпал туда яд?

Шэнь Гоу лишь пренебрежительно фыркнул:

— Много чести. Стал бы я ради тебя утруждаться, если бы не личная просьба Государственного супруга.

Действительно, заставить этого гордеца прислуживать кому-либо мог только Юнь Цзыцзи.

Император взял ложку, не спеша помешивая ароматный отвар, и с затаенной надеждой спросил:

— Передал ли Цзыцзи что-нибудь еще?

— Просил передать, что ждет вас сегодня к ужину во Дворце Вэйян, — нехотя буркнул Шэнь Гоу.

На душе у государя мгновенно посветлело.

— А я-то места себе не находил, — с облегчением выдохнул он. — В саду он даже не взглянул на меня. Я уж испугался, что смертельно обидел его. Оказывается, напрасно тревожился.

Если бы не внезапная депеша с фронта, Чжань Цянь уже давно умчался бы к своему супругу.

— Как его самочувствие в последние дни? — по привычке справился император.

Шэнь Гоу насквозь видел эти расспросы и ехидно прищурился:

— Моими заботами его здоровье идет на поправку. Но предупреждаю: держи свои животные порывы при себе. Поумерь пыл.

Стоявший неподалеку евнух Чжан Баодэ покрылся холодным потом. Называть Сына Неба похотливым животным без риска лишиться головы мог только этот безумный лекарь из Сиди. Повелитель лишь снисходительно усмехнулся, не желая портить себе настроение из-за колкостей строптивого лекаря, особенно когда перед ним исходила паром чаша, приготовленная по велению любимого супруга.

К тому времени, когда с государственными делами было покончено, небосвод уже усыпали яркие звезды, и взошла холодная луна.

Тем временем во Дворце Вэйян Юнь Цзыцзи осушил еще один крошечный кубок.

Шаньчжу в отчаянии попытался отобрать сосуд:

— Молодой господин, это уже третья чарка! Лекарь строго-настрого запретил вам прикасаться к вину!

Но юноша лишь отмахнулся от верного слуги и решительно выпил сладкую влагу.

Раньше он пил ради веселья и удали, теперь же — ради хмельной храбрости.

Когда-то он славился завидной стойкостью к хмелю: в военном лагере мог без труда осушить три огромных кувшина подряд, заставив суровых воинов признать свое поражение. Но тяжелое ранение и долгие месяцы лечения горькими снадобьями лишили его былой силы. Ныне его тело ослабло, и хмель брал свое гораздо быстрее.

Всего три чарки персикового вина — и на бледных щеках заиграл яркий, лихорадочный румянец.

Перешагнув порог главного зала Дворца Вэйян, Чжань Цянь замер на месте.

Государственный супруг полулежал у низкого столика, облаченный в тончайшее одеяние из нежно-желтого шелка. Иссиня-черные пряди волос живописно рассыпались по широким рукавам. Тонкие, изящные пальцы небрежно сжимали чарку из белого нефрита. От выпитого вина веки юноши припухли и порозовели, а в подернутом влажной дымкой взгляде сквозила пьяная истома. Он лениво приподнял голову и встретился глазами с застывшим на пороге государем.

У Чжань Цяня перехватило дыхание. Горло сдавило спазмом, а сердце забилось как сумасшедшее. С трудом совладав с собой, он коротким жестом велел слугам немедленно покинуть покои.

— Повелитель пришел… — пробормотал Цзыцзи.

Он попытался подняться навстречу императору, но запутался в широких полах одеяний и покачнулся. Чжань Цянь мгновенно шагнул вперед, подхватывая его, и юноша доверчиво прильнул к его груди.

В лицо императора ударил нежный, сладковатый аромат персикового вина.

— Цзыцзи, зачем ты пил? — нежно пожурил его Чжань Цянь, одной рукой бережно обнимая юношу за талию, а другой лаская его разгоряченную щеку.

Цзыцзи ласково прижался к его теплой ладони, словно ищущий ласки котенок. Он смущенно улыбнулся и, потянувшись вверх, коснулся кончиком носа щеки государя:

— Сегодня я примерил новое платье… исключительно для вашего взора. Нравится ли оно вам?

Будь Чжань Цянь чуть более памятлив, он бы непременно узнал этот покрой. Нежно-желтый шелковый халат точь-в-точь повторял наряд, который в юности так любила носить «Юнь Цзышу» — вымышленная сестра Цзыцзи. Но император был слишком ослеплен этой близостью, чтобы заметить подвох.

Ему пришлось запрокинуть голову, чтобы сдержать хлынувшую к лицу кровь.

В ушах настойчиво звенел предостерегающий голос лекаря Шэня: «Не смей прикасаться к нему, не навреди».

Император попытался со всей осторожностью отстранить юношу, силясь унять бушующий в жилах пожар, но в этот миг губы Цзыцзи коснулись его собственных.

Это был мимолетный, дразнящий поцелуй — словно легкое прикосновение крыльев бабочки.

Разум Чжань Цяня окончательно помутился. Очнулся он лишь тогда, когда увлек вслед за собой податливое тело на шелковые простыни ложа.

***

Персиковое вино оказалось не слишком крепким. Спустя всего час Юнь Цзыцзи открыл глаза.

Его разбудил неяркий свет свечи, пробивавшийся сквозь ширму.

За окном стояла глухая ночь. В это время юноша обычно спал беспробудным сном и никогда прежде не просыпался до рассвета. А потому даже не догадывался, что Чжань Цянь глубокой ночью покидает его постель.

Но сегодня хмель выветрился слишком быстро. Протянув руку, он обнаружил лишь пустоту — рядом никого не было. На широком ложе лежало лишь брошенное одеяло, еще хранившее чужое тепло.

В покои бесшумно скользнул Шаньу. Привычным, отточенным движением он направился к

светильникам, собираясь погасить их — по всему было видно, что эту тайную службу он исполнял далеко не в первый раз.

Лишь пробравшись вглубь опочивальни, слуга содрогнулся от ужаса: на него в упор смотрел бодрствующий хозяин.

Лицо Юнь Цзыцзи было бледным и суровым.

— На колени, — ледяным тоном скомандовал он.

Шаньу мгновенно рухнул на колени, дрожа всем телом. За долгие годы верной службы он мог по пальцам пересчитать случаи, когда молодой господин поддавался гневу. Это был третий раз.

— Ты все знал.

Это был не вопрос, а суровый приговор.

Шаньу беззвучно шевелил губами, не зная, что ответить на это обвинение.

— Если скроешь хоть слово, — устало потер лоб Цзыцзи, — завтра же вернешься в Поместье Юнь. Мне больше не нужны твои услуги.

Перепуганный слуга побледнел и поспешно заговорил, моля о пощаде:

— Пощадите, молодой господин! Раб виноват! Вот уже месяц Его Величество каждую ночь дожидается, пока вы крепко уснете, после чего тайно покидает Дворец Вэйян. Он под страхом смерти запретил мне открывать вам эту правду!

— Целый месяц? — эхом отозвался Юнь Цзыцзи.

Значит, с самого первого дня, как он переступил порог этого дворца, Чжань Цянь разыгрывал перед ним этот слащавый фарс.

За окном завывала метель, швыряя пригоршни колючего снега в резные рамы. В глазах юноши закипели горькие слезы, уступив место злому, ядовитому смеху:

— Какое благородство… Каждую ночь тайно сбегать от меня в мороз и бурю. Можно подумать, я силком тащил его в свою постель.

Вспомнив свои недавние ласки, свою глупую хмельную покорность, он почувствовал, как к

горлу подкатывает волна жгучего стыда. Слова Янь Южоу, над которыми он смеялся, оказались чистейшей правдой.

— Возможно… возможно, государь просто слаб здоровьем и страдает от мужского бессилия? — робко попытался утешить его Шаньу.

Цзыцзи ожёг его таким свирепым взглядом, что слуга мгновенно прикусил язык.

Юноша схватил подушку, на которой спал император, и с силой швырнул ее на пол.

— Собери мои вещи, — приказал он ледяным голосом. — Забирай только то, что принадлежит мне. Всё, что подарил этот лжец, оставь здесь.

— Но… куда же мы? — несмело спросил Шаньу.

Государственный супруг яростным движением сбросил с себя тяжелое шелковое одеяло:

— Завтра утром мы переезжаем в Холодный дворец. Пусть забирает свой Дворец Вэйян обратно!

http://bllate.org/book/37113/4980708